

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЕНЕ ВЛАСТИ: ДВА КЕЙСА

А. В. ФЕДОРЧЕНКО

БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Андрей Васильевич Федорченко, д-р. экон. наук, профессор,
директор Центра ближневосточных исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме престолонаследия в Саудовской Аравии. Несмотря на то что аравийские монархии пока остаются вне зоны «арабской весны», за кажущимся спокойствием скрываются обострившиеся в последнее время внутривнутриполитические и социальные противоречия, экономические проблемы. Внутривнутриполитическая модернизация тесно связана со сменой поколений в высшем руководстве. Страна стоит на пороге изменения действовавшей в течение многих десятилетий системы престолонаследия, при которой власть переходила от одного к другому сыну основателя саудовского государства короля Ибн Сауда. Сегодня, когда реальных претендентов на престол среди этой группы королевских родственников почти не осталось, в борьбу за власть вступает третье поколение семьи Саудов. Проанализировано влияние «дела Хашогги» на ход борьбы за власть. В прогнозной части рассматриваются перспективы реформирования саудовского общества, развития партнерских отношений между Россией и Королевством.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, престолонаследие, правящая семья, смена поколений, дело Хашогги, российская внешняя политика.

Аравийские монархии пока остаются вне зоны арабской «оттепели». Властям этих стран удалось сохранить политическую и социальную стабильность, в основе которой многие годы было сочетание трех факторов. Во-первых, доходы от экспорта углеводородов давали возможность устранять реальные и потенциальные очаги социального протеста. Во-вторых, режимы поддерживали союзнические отношения с консервативными религиозными кругами и лидерами племенных кланов. В-третьих, национальная безопасность гарантировалась западными державами, в первую очередь США.

Несмотря на возникшие оппозиционные настроения, монархам удавалось сохранять поддержку большинства населения своих стран. Характер отношений между правителями и их подданными в течение длительного времени можно охарактеризовать словами кувейтского эмира, выступавшего в апреле 2007 г. перед представителями правящей семьи: «Мы не найдем народа лучше, чем народ Кувейта, а народ Кувейта не найдет лучшей правящей семьи...»¹.

Но за кажущимся спокойствием скрываются обострившиеся в последнее время внутривнутриполитические и социальные противоречия, экономические проблемы. Для более или менее успеш-

¹ Аль-Ватан. 2007. 15 апреля.

ного ответа на вызовы «арабской весны» аравийским монархиям придется осуществлять в той или иной форме внутривластную модернизацию. Опасность дестабилизации ситуации в настоящее время велика.

Несмотря на частичную модернизацию политических систем в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) за годы существования этой Организации, этот процесс идет медленно, носит «разноскоростной» характер. Остро стоит проблема передачи верховной власти, которая в Королевстве Саудовской Аравии (КСА) была сосредоточена в руках представителей поколения 80–90-летних детей основателя государства, а в Катаре и Омане — нуждалась в преемниках верховных правителей. Робкая и непоследовательная модернизация не трансформирует саму политическую элиту, «продолжающую играть свою традиционную бедуинско-исламскую патриархальную роль “благодетеля” в отношении подданных» [1, с. 48].

Прежде чем перейти к рассмотрению проблем престолонаследия в Королевстве Саудовская Аравия, следует заметить, что реальная подоплека кадровых перестановок на высоком государственном уровне, а тем более их запланированное влияние на внутреннюю жизнь этой страны, как правило, скрыты от взгляда даже самых опытных экспертов. Поэтому наиболее реальным представляется выявление лишь общих тенденций в изменении монархической системы государственного управления.

Саудовское государство изначально строилось как абсолютная теократическая монархия. Оно основывается на салафитской интерпретации коранического вероучения — ваххабизме. В системе государственной власти осуществляется распределение полномочий между двумя центрами силы — политической и религиозной элитами.

Династия Саудитов, представленная более чем пятью тысячами членов королевской семьи, контролирует вооруженные силы и службы безопасности, систему внешнеполитических отношений, экономику, ситуацию в провинциях. К ним примыкают союзники из числа племенной аристократии. Религиозная же сфера, идеология, судопроизводство относятся к области деятельности потомков основателя ваххабизма Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба — семьи Аш-Шейх и примыкающей к ней прослойки богословов-улемов. В то же время очевидна главенствующая роль короля в этой системе — он как глава государства носит титул малика (короля) и имама (духовного лидера), а также унаследованный от основателя КСА титул «хранителя двух священных мечетей».

Саудовское общество в целом никогда не было монолитным. Внутренние конфликты, затрагивающие интересы правящей династии, проходят по следующим линиям: саудиты — внесистемная оппозиция в лице радикальных ваххабитов; либералы (их взгляды разделяют некоторые члены правящей семьи) — консерваторы; суннитское руководство страны — шиитская община.

Разногласия в самой королевской семье обострились после смерти в 1953 г. основателя государства короля Абдель Азиза ибн Сауда. Общее число его потомков, имевших право на престол, превышало 300 человек. Основатель королевства оставил своим сыновьям завещание, принцип которого состоял в передаче власти от одного его сына к другому.

В Саудовской Аравии, наряду с Оманом, проблема передачи верховной власти и смены поколений в правящей элите стоит наиболее остро. В королевстве произошедшие в последнее время изменения в порядке и характере престолонаследия были ускорены обострением внутренних противоречий в стране, нестабильностью внешнеполитических позиций КСА, преклонным возрастом и неудовлетворительным состоянием здоровья короля и большинства утвержденных наследников престола. Существующая система престолонаследия «от брата к брату» привела к сильному старению претендентов на престол. Поколение детей основателя государства вынуждено особо заботиться об укреплении стабильности королевства, обеспечении преемственности управления и престолонаследия, в том числе путем некоторого изменения процедуры передачи верховной власти, ослабления противоречий между отдельными кланами семьи Саудитов, создания условий для передачи власти от второго к имеющему растущие амбиции третьему поколению династии, правящей с начала XX в.

Абдалла, являвшийся королем с 2005 по 2015 г., в целях сохранения стабильности на какое-то время отложил начало передачи власти принцам-внукам (третьему поколению наследников). В этом проявилась типичная для королевства «срединность» (*васатыйя*) — отказ от радикальных сдвигов в сфере государственного управления.

Тем не менее традиционная система престолонаследия «от брата к брату» уходит в прошлое.

А это в свою очередь может способствовать обострению борьбы за власть между различными кланами наследников Ибн Сауда.

Согласно «Основному закону правления Саудовской Аравии» от 1992 г., который является высшим правовым актом, определяющим государственный строй королевства, «власть принадлежит сыновьям короля — основателя государства Абдель Азиза Абдель Рахмана аль-Фейсала Аль Сауда и сыновьям их сыновей. Самый достойный из них для правления приносит присягу на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка, да благословит его Аллах и приветствует» (ст. 5, п. 2). Кроме этого, с целью обеспечения «мягкого» перехода власти в случае смерти (или недееспособности) монарха и наследного принца в Саудовской Аравии в 2006 г. был создан специальный коллегиальный орган «Совет присяги»², который состоит из сыновей короля Абдель Азиза, а также его внуков, чьи отцы скончались или недееспособны или не желают принять трон, а также сыновей короля и наследного принца³. По состоянию на 2019 г. в Совете состоят 34 члена: 4 сына основателя, 29 его внуков и 1 правнук.

Если раньше подданные Саудовской Аравии приносили присягу — клятву верности (аль-бей-та) королю и наследнику престола, то весной 2014 г. в соответствии с королевским указом № А/86 от 27.03.2014 (26.05.1435 по хиджре) система отношений «властитель — подданный» расширилась и стала включать заместителя наследника монаршего трона. 30 марта 2014 г. подданные Саудовской Аравии принесли присягу — клятву верности вновь назначенному «наследником (заместителем) наследника престола» принцу Мукрину бен Абдель Азизу.

Король Сальман бен Абдель Азиз Аль Сауд возглавляет Саудовскую Аравию относительно недавно — с 2015 г., когда скончался его старший брат Абдалла. Почти сразу 79-летний король начал готовить почву для того, чтобы обеспечить выгодную себе преемственность власти. Так, он снял с занимаемых должностей детей своего почившего брата Абдаллы, чтобы ослабить их позиции и авторитет. В том же году Сальман назначил своего племянника — 56-летнего Мухаммеда бен Наифа — наследным принцем, а своего сына Мухаммеда (ему в тот момент было всего 29 лет) — заместителем наследного принца. Король Сальман нарушил негласную традицию, по которой наследники короля представляли то же поколение, что и сам король. 29-летний Мухаммед никак не соответствовал этим требованиям. Сальман доверил сыну пост министра обороны, и он стал самым молодым министром обороны в мире.

В июне 2017 г. король Сальман сменил наследного принца. Решение короля о назначении его сына Мухаммеда бен Сальмана своим наследником поддержал 31 из 34 членов Совета присяги королевства (самый высокий процент за всю историю). Прежний наследник — племянник короля Мухаммед бен Наиф — потерял посты вице-премьера правительства и главы МВД. Соответственно, от наследования престола королем Сальманом были оттеснены два кронпринца: принц Мукрин бен Абдель Азиз и принц Мухаммед бен Наеф.

Страна стоит на пороге изменения действовавшей в течение многих десятилетий системы престолонаследия, при которой власть переходила от одного к другому сыну основателя саудовского государства короля Ибн Сауда. Сегодня, когда реальных претендентов на престол среди этой группы королевских родственников почти не осталось, в борьбу за власть вступает третье поколение семьи Саудов — а внуков Ибн Сауда насчитывается не менее 260. На первом плане в саудовской правящей элите — наследный принц, министр обороны Мухаммед бен Сальман.

Новый наследник престола претендует на роль реформатора, что вызывает неоднозначную реакцию как в КСА, так и за его пределами. В мировых СМИ его имя, начиная с октября 2018 г., как правило, сопровождается упоминанием так называемого дела Хашогги⁴. Во многом это объясняется тем, что «дело» совпало по времени с переломным моментом в функционировании

² Присяга в Исламе — это договор о верности исламской политической системе, приверженность мусульманам и послушание имаму. Присяга также представляет собой договор между двумя сторонами — властью и народом. Правители приносят клятву о правлении согласно Корану и Сунне, а народ — клятву о подчинении правителям в соответствии с повелением Бога и Его Пророка.

³ Железнов А. А. О ситуации с престолонаследием в Саудовской Аравии // Портал Института Ближнего Востока. — 2013. — 8 августа. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=18054>

⁴ Обозреватель газеты «The Washington Post», выходец из семьи известного торговца оружием, которая находится в оппозиции клану Сальманов, Джамаль Хашогги пропал 2 октября 2018 г., после того как вошел в генконсульство Саудовской Аравии в Стамбуле. Мужчину искали больше двух недель, потом Эр-Рияд признал факт убийства журналиста. По данным следствия, его задушили в здании генконсульства, а после тело расчленили и уничтожили. Генпрокуратура Саудовской Аравии выдвинула обвинения 11 подозреваемым в убийстве, при этом настаивая на смертной казни для пяти из них. Дж. Хашогги, хорошо известный в королевстве и за его пределами за десятилетия своих журналистских расследований, утверждал, что реформы наследного принца носят половинчатый характер в рамках решения, прежде всего, двух задач: устранения личных оппонентов в королевской семье и создания себе положительного имиджа на Западе.

возникшей в начале 1950-х гг. системы престолонаследия. Вместе с тем «дело Хашогги» при всем драматизме произошедшего и его международном резонансе стало лишь одним из эпизодов борьбы за власть и финансовые ресурсы в правящей саудовской верхушке в рамках происходящей смены системы престолонаследия. Если бы не драматическое происшествие в саудовском генконсульстве, скорее всего, был бы найден иной повод (или поводы) для усиления давления на наследного принца или даже его смещения. Суть этой борьбы сводится к следующему (еще раз оговоримся – информация о многих ее деталях закрыта от постороннего взгляда): противоборствующие силы разделились на два лагеря. Перевес имеют король как глава государства, принц Мухаммед бен Сальман, который фактически правит КСА и проводит жесткую политику в отношении оппонентов, а также их (короля и принца) родственники и сторонники из других кланов.

Им явно или в скрытой форме противостоят сыновья Абдель Азиза принцы Ахмед бен Абдель Азиз и Мукрин бен Абдель Азиз. Особую активность проявляет младший брат короля Сальмана, 76-летний член «семерки Судайри» (семь сыновей короля Саудовской Аравии Абдель Азиза от его жены Хассы бинт Ахмад ас-Судайри) принц-диссидент Ахмед, возвратившийся в Саудовскую Аравию после своего продолжительного отсутствия (он долгое время проживал в Лондоне), чтобы бросить вызов наследному принцу Мухаммеду бен Сальману. Младший брат короля был одним из членов «Совета присяги», которому было поручено выбрать преемника короля. Принц Ахмед был одним из трех членов Совета, проголосовавших против назначения Мухаммеда бен Сальмана наследным принцем, даже демонстративно не принес ему клятвы верности, когда тот все же стал наследником. Принц Ахмед во время своего пребывания в Лондоне провел встречи с другими членами саудовской правящей семьи, которые на данный момент живут за пределами королевства. Многие из них поддерживают идею замены наследного принца. Однако сам Ахмед не считается в КСА фигурой достаточно сильной для победы в межклановом противостоянии, по крайней мере, до окончания правления короля Сальмана.

После 2015 г. баланс сил в саудовской элите изменился в пользу лагеря короля Сальмана. До его коронации Саудовская Аравия фактически управлялась консенсусом различных ветвей королевской семьи, представители которых являлись прямыми потомками короля-основателя Абдель Азиза. Между фракциями действительно существовала конкуренция, однако 36 сыновей короля делили верховную и местную власть, фактически установив свои вотчины в различных отраслях экономики государства. Например, так называемая «семерка Судайри», в число которых входит король Сальман, имела контроль над министерствами обороны и внутренних дел. Национальная гвардия Саудовской Аравии и министерство муниципальных дел находились под контролем сначала принца, а позднее короля Абдаллы и его сыновей. При этом король редко принимал важные решения, не посоветовавшись с остальной семьей.

В настоящее время король и наследный принц опираются на своих родственников и лояльных им фигур из других фракций королевской семьи, но концентрация власти стала выше, что вызывает недовольство в саудовской элите. Мухаммеда бен Сальмана хотели свергнуть еще в период его назначения на пост кронпринца. Тогда это не удалось. Сегодня наследный принц возглавляет почти все ключевые директивные органы, занимающиеся вопросами безопасности, экономики, в определенной степени социальными вопросами, проводит по поручению короля реорганизацию Службы общей разведки. После возникновения «дела Хашогги» противодействие ему и его политике усилилось.

При оценке убийства Дж. Хашогги следует в первую очередь выделить международное осуждение этого события. Хотя многие саудовцы были также возмущены этой акцией, следует учитывать, что нарушения прав человека в королевстве – не редкое явление, а казни, жестокие телесные наказания осужденных и пытки во время следствия – повседневная реальность в работе национальной правоохранительной системы.

Положение наследного принца осложняется тяжелым экономическим положением страны. Несмотря на огромные факторные преимущества, Саудовская Аравия не входит в тройку стран – лидеров по уровню конкурентоспособности в Ближневосточном регионе, занимая 4-е место и 30-е место в мире. За последние годы королевство существенно сдало позиции, нарастала финансовая задолженность. Страдая от бюджетного дефицита, вызванного снижением цен на энергоносители, государство пытается изменить сложившуюся ситуацию, проводя структурные реформы, которые могут стать козырем принца в борьбе за власть и существенно перевесить его возросшие в связи с «делом Хашогги» репутационные риски. Третий год королевство живет в соответствии с «Видением – 2030» – программой радикальных реформ в экономиче-

ской и социальной областях, определившей направление развития королевства на предстоящие годы. Ее суть состоит в диверсификации, либерализации, радикальном повышении конкурентоспособности саудовской экономики, отходе от многолетней традиции государственного патернализма в социальной сфере.

Насколько успешными будут реформаторские усилия наследного принца — покажет будущее. Как отмечает известный египетский исследователь арабских стран Т. Хегги, в Арабском мире «переход от стадии планирования к конкретным действиям чрезвычайно сложен и обычно происходит в условиях открытого противоборства настроенных в противоположных концептуальных направлениях центров силы, часть из которых твердо придерживаются идеалов прошлого, другие нацелены на новые возможности, открывающиеся в будущем» [3, p. 118]. Даже в развитых странах с менее инертной экономической системой хозяйственные преобразования растягивались надолго. Так, в соседнем Израиле начало либерализации этатизированного хозяйственного механизма неоднократно переносилось — с конца 1960-х на конец 1970-х, затем — на вторую половину 1980-х гг.

В КСА планы либерализации экономики и отхода от государственного экономического патернализма в отношении широких социальных слоев уже вызывают негативную реакцию коренного населения, привыкшего за многие годы к государственной опеке в рамках негласного социального контракта между королевской семьей и подданными.

Результатом этой борьбы вполне может быть компромисс, при котором королем станет нынешний наследный принц, а представители других кланов частично восстановят свои позиции в рамках заключения оружейных контрактов и контроля над частью финансовых потоков, которые теперь практически полностью монополизированы королем Сальманом и его сыном. Такой сценарий в определенной мере был опробован в ноябре 2018 г., когда десятки членов королевской семьи, госслужащих и предпринимателей Саудовской Аравии были задержаны в Эр-Рияде Высшим комитетом по борьбе с коррупцией во главе с наследным принцем, обвинившим их в финансовых и должностных преступлениях. 95 % из обвиняемых согласились на сделку, передав часть своих активов властям в обмен на освобождение. Многие из них отказались от резкой оппозиции кандидатуре кронпринца как будущего короля.

«Дело Дж. Хашогги» не только ухудшило репутацию королевской семьи на международной арене, но и заставит короля и наследного принца пойти на большие уступки своим внутрисаудовским оппонентам. Примечательно, что спустя год после убийства оппозиционного журналиста наследный принц впервые прокомментировал его гибель и даже признал свою ответственность за это преступление. Однако он отметил, что неназванные чиновники действовали без его ведома и его доля ответственности сводится лишь к тому, что событие совпало со временем «исполнения им своих служебных обязанностей»⁵.

На достижение компромисса нацелены и уступки наследного принца религиозным кругам. Частичная секуляризация саудовского общества, судя по всему, откладывается. Было объявлено, что в программу «Видение — 2030» будет включено новое направление: развитие инфраструктуры паломнического комплекса в Мекке и вокруг нее. Ставится задача довести ежегодное количество совершающих хадж и умру (малый хадж) до 30 млн (сейчас 4 млн человек). С этой целью объявлена обширная программа (с перераспределением инвестиционных средств на реализацию «Видения — 2030»): расширение мекканской мечети Аль-Харам; модернизация принимающего паломников международного аэропорта имени короля Абдель Азиза в Джидде; совершенствование инфраструктуры снабжения паломников водой, электричеством и медицинским обслуживанием; строительство в районе Мекки новых аэродромов, гостиниц, «умных» городов; развитие транспортных коммуникаций, в частности — создание системы скоростных поездов специально для паломников.

Большую роль в саудовских кадровых перестановках и формировании внешнеполитического курса могут сыграть США, некоторые члены ЕС (Германия, Франция) и, в существенно меньшей степени, Турция. Анкара утверждает, что приказ об убийстве не исходил от короля Саудовской Аравии Сальмана, но прозрачно намекает на то, что главным заказчиком и организатором всей этой истории является именно наследный принц Мухаммед бен Сальман. Главный западный союзник КСА — Соединенные Штаты — пытаются использовать в своих интересах ошибки борющихся за власть саудовских кланов. Убийство Хашогги стало по-

⁵ Саудовский кронпринц признал ответственность за убийство Хашкаджи // РБК. — 2019. 26 сентября. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/09/2019/5d8c59689a794736e94e716e?fbclid=IwAR3ZMh1aQ81Jxol86KEEnLtZyG1luxLqeIPqOsAnE6ofFJkFRzbf35MgiDg>

водом для усиления американского давления на королевскую семью с целью формирования антииранской оси с участием Израиля, завершения разрушительной войны в Йемене, стабилизации нефтяного рынка.

Как признают российские эксперты, главным фактором, который может привести или смещению, или к сохранению на своем посту наследного принца, может стать открытая и долгосрочная позиция по этому вопросу Вашингтона. Американские эксперты солидарны во мнении, что наследный принц Мухаммед бен Сальман вряд ли будет заменен в результате последствий убийства Хашогги.

Характерно, что борьба внутри саудовской элиты соотносится с раскладом политических сил в США: часть ее была замкнута в своих контрактах на демократические круги США, часть получила в последнее время стимул к развитию бизнеса исключительно с ближним кругом короля Сальмана и его сына. Не стоит забывать, что контракт на поставки в КСА американских вооружений на рекордную сумму в 110 млрд долл. был заключен в мае 2017 г. (то есть два года спустя после восшествия Сальмана на престол и накануне назначения Мухаммеда бен Сальмана кронпринцем) во время визита в королевство президента Д. Трампа. Для Трампа смена наследного принца будет означать внутривнутриполитическое поражение.

В обмен на поддержку американской администрации принц должен будет следовать в фарватере политики Белого дома в рамках антииранских усилий, оружейных контрактов, восполнения в ущерб себе выпадающих иранских объемов нефти, а также обеспечить возвращение к прежней системе принятия решений на основе консенсуса среди основных ветвей королевской семьи, представленных прямыми наследниками основателя монархии. В этот пакет входит и нормализация отношений Эр-Рияда и Дохи, что необходимо для администрации Д. Трампа с учетом планируемого Вашингтоном создания «арабского НАТО», а также попытки достичь мира с Израилем.

Общий вывод состоит в том, что «дело Хашогги» использовалось и будет использоваться во внутрисаудовском противостоянии между нынешним королем и наследным принцем, с одной стороны, и, с другой стороны, во-первых, конкурирующими с ними кланами королевской семьи, во-вторых, внесистемной оппозицией в лице радикальных ваххабитов, использующих социальное недовольство в своих целях⁶, в-третьих, значительной частью населения страны, опасющейся потерять патерналистскую поддержку государства. Однако «дело Хашогги» существенно не уменьшило перевес находящегося у руля государственного управления клана. Изменение сложившегося баланса сил будет зависеть от результативности и популярности проводимых Мухаммедом бен Сальманом реформ. Во внешнеполитической сфере США их западные союзники и Турция будут продолжать использовать результаты расследования этого «дела» для оказания давления на кронпринца как возможного будущего короля и усиления позиций на Аравийском полуострове и на Ближнем Востоке в целом.

После того как механизм престолонаследия в КСА утратит свою специфику и станет соответствовать модели соседних абсолютных монархий (этот процесс близок к завершению), перед новым поколением правителей встанут иные, напрямую не связанные с передачей верховной власти, задачи:

- вести поиск консенсуса в позициях различных близких к власти кланов для предотвращения противодействия политике монарха и его ближайшего окружения;
- активизировать борьбу с коррупцией и хищениями, реформировать аппарат государства и произвести чистку в рядах чиновничества;
- ввести в неконфликтное русло диалог с представителями «образованного класса»;
- урегулировать или хотя бы снизить остроту имеющихся этно-конфессиональных противоречий;
- ускорить перестройку хозяйственной жизни в направлении диверсификации источников дохода и расширения экономической базы национального хозяйства, основой которого все еще остается производство нефти и нефтепродуктов⁷;

⁶ Меры, которые принимаются в рамках «модернизации страны» (строительство ранее запрещенных кинотеатров, парков развлечений, обещания вовлечь женщин в экономику), вызывают недовольство ультрарелигиозной части населения и радикальной части духовенства.

⁷ Для КСА особая цель — сокращение использования нефтепродуктов и газа, поскольку нормы потребления этих источников энергии в королевстве значительно выше, чем в мире, что не может не оказывать отрицательного воздействия на экспорт саудовской продукции. Ставится задача расширения использования альтернативных и возобновляемых источников энергии, включая «чистую энергию» — солнце, ветер или используемые в мирных целях ядерные реакторы. Намечено расширять возможности труда для молодежи, взаимодействие между правительством и частным сектором с целью содействия росту

- противостоять терроризму; КСА и Катар уже начали отходить от широкой поддержки исламистов экстремистского толка, справедливо полагая, что террористическая активность рано или поздно перекинется на территорию монархий;
- вести непростые переговоры о будущей трансформации Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в союз – «итти хад»;
- в области международных отношений – создавать систему коллективной региональной безопасности, на основе многовекторной политики выстраивать новые альянсы (определенное охлаждение в союзнических отношениях с США заставляет нефтяные монархии укреплять связи с государствами Дальнего Востока, ЮВА).

Частичная переориентация внешней политики КСА и других аравийских государств создает новые возможности для поддержки аравийского направления в российской внешней политике. Состоится ли в обозримом будущем партнерство между Россией и Саудовской Аравией? Прогнозируя ход развития российско-саудовских отношений, стоит проявлять взвешенный подход. Дестабилизация ситуации в самом королевстве и вокруг него чревата усилением волатильности его внешней политики.

За заявлениями президента США о снижении активности страны на ближневосточном (в том числе саудовском) направлении скрывается стремление остаться здесь при уменьшении финансово-экономических затрат, не дать правящей саудовской элите развернуться в направлении новых партнеров, в том числе в сторону России. Один этот фактор способен существенно осложнить российско-саудовское сближение.

С другой стороны, тенденция к большей самостоятельности на международной арене, которую демонстрирует Мухаммед бен Сальман, может иметь для России позитивные последствия. Наследник престола считается носителем менее консервативных взглядов, чем его отец, стремится к расширению круга партнеров королевства. На него возлагает надежды молодое поколение страны.

Для короля и наследного принца большое значение, очевидно, имеет российская политика невмешательства во внутренние дела королевства (включая нейтральную позицию по «делу Хашогги»). Россия неоднократно заявляла, что это внутреннее дело Саудовской Аравии, и у нее нет оснований подвергать сомнению заявления официальных лиц Саудовской Аравии о непричастности королевской семьи.

Такое невмешательство имеет некоторые исторические корни. Еще в первое десятилетие после создания Советского Союза в советской дипломатии «закладывались основы прагматичного подхода к конфликтным ситуациям в странах пребывания, формировалась линия на диверсификацию отношений с враждующими сторонами и “челночное” посредничество, что ... впоследствии получило развитие и стало неотъемлемой чертой внешнеполитических действий Москвы в Ближневосточном регионе» [2, с. 132].

В ответ на возможные антисаудовские санкции США власти КСА в поисках противовеса американскому влиянию способны пойти на более тесную координацию своих действий на нефтяном рынке с нашей страной, переориентацию на Россию при реализации планов создания атомной энергетики, инвестирование значительных ресурсов в российскую энергетику (в частности, заводы по сжижению добываемого в арктической зоне газа), инфраструктуру, высокотехнологичное производство, сельское хозяйство. В случае ужесточения санкций и введения оружейного эмбарго КСА может обратиться в рамках закупок вооружения к России. Во время визита саудовского монарха в Москву в октябре 2017 г. был подписан меморандум о покупке и локализации продукции военно-промышленного комплекса, в частности об условиях организации в Саудовской Аравии лицензионного производства автоматов Калашникова АК-103 и патронов различного назначения. Не исключено, что саудовское правительство поставит вопрос о приобретении сложных новейших систем российских оборонительных вооружений. Такое военно-техническое сотрудничество заметно изменило бы геополитическую ситуацию в зоне Персидского залива и вокруг нее.

Комплекс отношений в треугольнике Россия – КСА – Иран будет во многом определять характер международных отношений на Ближнем Востоке. Наша страна имеет возможность осуществлять посредническую миссию в саудовско-иранских отношениях, возрождая и развивая, уже на новом витке развития, довоенный опыт участия в примирении этих двух стран.

Российско-саудовское сближение, скорее всего, займет немало времени, учитывая непрокапиталовложений национального частного капитала, капитала из стран Залива, а также иностранных инвестиций в созданные в различных регионах промышленные города.

стью историю двусторонних связей. Контуры будущего партнерства не вполне отчетливы. Драйверами выстраивания новых, взаимовыгодных отношений нашей страны с арабийским центром силы на Ближнем Востоке станут характер взаимодействия в треугольнике Россия – США – Саудовская Аравия, последствия смены системы престолонаследия в королевстве, включая сдвиги во внешнеполитической ориентации, результативность хозяйственных преобразований. В то же время велика вероятность, что расширение российского присутствия на Ближнем Востоке будет происходить и в саудовском направлении. Это подтвердили итоги визита В. В. Путина в Эр-Рияд в октябре 2019 г. В ходе переговоров состоялся деловой форум, в котором участвовали представители бизнеса обеих стран. Был подписан ряд соглашений, затрагивающих такие сферы, как торговля, совместные экономические проекты, развитие космоса. Наиболее успешно развивается инвестиционное сотрудничество через Российский фонд прямых инвестиций и Публичный фонд Саудовской Аравии. По военно-техническому сотрудничеству новых соглашений подписано не было, а старые – пока не реализованы. Стороны договорились продолжить координировать свои усилия по сохранению стабильности на мировом энергетическом рынке в формате ОПЕК+⁸.

Вопрос – сместится ли вектор саудовского зарубежного стратегического партнерства в российскую сторону – остается открытым. Маловероятно, что правящий клан в деле обеспечения безопасности страны легко откажется от стратегического союза с США, американского военного «зонтика», на который саудовцы до сих пор полагались в значительно большей степени, чем на огромный, отчасти излишний, в ряде случаев даже нераспакованный запас закупленных на Западе современных вооружений. Скорее всего, Королевство Саудовской Аравии попытается использовать свой вариант нынешней турецкой модели балансирования между Вашингтоном и Москвой. Подобный опыт имелся еще у основателя саудовского государства в 1920–1930-е гг. (место США тогда занимала Великобритания, России – Советский Союз). В экономической сфере нашей стране придется серьезно конкурировать с Китаем – стратегическим торговым партнером Саудовской Аравии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косач Г. Г. Саудовская Аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг. – М.: Институт Ближнего Востока. 2013.
2. Наумкин В. В. Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. – М.: Аспект Пресс, 2018.
3. Heggy T. The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress. – Cairo: Merit Publishing House, 2009.

ANDREY FEDORCHENKO

The Fight for Succession in Saudi Arabia

Andrey Fedorchenko,
Doctor Habilitated (Economics), Professor,
Director, Center for Middle Eastern Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Summary. The article is devoted to the study of the succession problem in Saudi Arabia. Despite the fact that the Arabian monarchies so far remain outside the zone of the “Arab spring”, domestic political and social conflicts, economic problems are escalated here hiding behind the apparent tranquility. Internal political modernization is closely connected with the change of generations in the top leadership. The country is on the verge of changing the succession system that has existed for many decades, in

⁸ Мелкумян Е. Визит Путина в Эр-Рияд: не прорыв, но ещё один шаг навстречу // Портал международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2019. 17 октября. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vizit-v-er-riyad-ne-proryv/>

which power passed from one to the other son of the founder of the Saudi state, King Ibn Saud. Today, when there are almost no real candidates for the throne among this group of royal relatives, the third generation of the Saudi family is entering the struggle for power. The influence of the “Khashoggi case” on the course of the struggle for power is analyzed. The forecast part examines the prospects for reforming of Saudi society, the development of partnerships between Russia and the Kingdom.

Keywords: Saudi Arabia, succession to the throne, ruling family, generational change, Khashoggi case, Russian foreign policy.

REFERENCES

- Heggy T. *The Arab Cocoon. Arab's Problematic with Modernity and Progress*. – Cairo: Merit Publishing House, 2009.
- Kosach G. G. *Saudovskaya Araviya: politicheskie processy 1990-h – 2000-h gg.* [Saudi Arabia: political processes in the 1990–2000]. – Moscow: Institute for Middle East Studies, 2013.
- Naumkin V. V. *Nesostoyavsheesya partnerstvo. Sovetskaya diplomatiya v Saudovskoj Aravii mezhdru mirovymi vojnami* [Failed Partnership. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia in the period between Two World Wars]. – Moscow: Aspect Press, 2018.